

Ю.П. Князев

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия)

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТА И ИХ УСВОЕНИЕ РУССКИМИ ДЕТЬМИ

Аннотация: В работе рассматриваются основные особенности усвоения прилагательных цвета русскими детьми. Показано, что первые прилагательные цвета входят в список базовых обозначений цвета, предложенный в книге Б. Берлина и П. Кея (1969). Вместе с тем последовательность их усвоения не полностью совпадает с иерархией базовых обозначений цвета.

Ключевые слова: детская речь, последовательность усвоения прилагательных цвета в онтогенезе

Отправной точкой большинства современных исследований в области цветообозначений является книга Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay 1969], основанная на сопоставлении прилагательных цвета (ПЦ) в нескольких десятках языков. В этой книге выдвигается гипотеза, согласно которой состав базовых (basic) ПЦ подчиняется следующей универсальной закономерности: если в языке есть только два базовых ПЦ, то это *white* ‘белый’ и *black* ‘черный’ (фактически это должно быть чем-то вроде противопоставления светлого темному), в языках с тремя ПЦ к ним добавляется *red* ‘красный’, четвертым и пятым ПЦ являются *green* ‘зеленый’ и *yellow* ‘желтый’, шестым – *blue* ‘синий, голубой’, седьмым – *brown* ‘коричневый’, а затем появляются *purple* ‘пурпурный, багровый, лиловый, фиолетовый’, *pink* ‘розовый’, *orange* ‘оранжевый’ и *grey* ‘серый’ [Berlin, Kay 1969:4]. Последующее обсуждение этой гипотезы прежде всего показало, что уже само по себе установление состава «базовых» ПЦ в том или ином языке представляет собой самостоятельную задачу, не всегда имеющую очевидное решение [Corbett, Davies 1997; Рахилина 2007]. Видимо, отчасти по этой причине первые шесть базовых ПЦ были выделены в особую группу «первичных» (primary) ПЦ [Kay, McDaniel 1978: 626; McLaury 1991:42]. Кроме того, трудности могут возникать и при соотнесении базовых ПЦ

из списка Б. Берлина и П. Кея с ПЦ конкретного языка. Так, английскому *blue* в русском языке соответствуют два ПЦ: *синий* и *голубой*, оба из которых включаются в число базовых; а у ПЦ *purple*, напротив, нет прямого русского соответствия, которое однозначно могло бы считаться базовым [Corbett, Morgan 1988: 59-61].

В этой связи интересно привести данные частотного словаря русской лексики О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (в скобках указано место ПЦ в подкорпусе прилагательных): *белый* (21) – *черный* (23) – *красный* (39) – *зеленый* (121) – *серый* (170) – *синий* (213) – *желтый* (219) – *голубой* (233) – *розовый* (341) – *рыжий* (383) – *коричневый* (632) – *оранжевый* (966) [Ляшевская, Шаров 2009]⁸. Можно заметить, что первые четыре ПЦ в обоих списках совпадают; вместе с тем частотность ПЦ *желтый*, *коричневый* и *оранжевый* ниже той, которая ожидалась бы в соответствии с иерархией базовых ПЦ у Б. Берлина и П. Кея, а частотность ПЦ *серый* – намного выше⁹. Неожиданно высокой оказывается и употребительность ПЦ *рыжий*, не считающегося базовым. Нет среди наиболее употребительных русских ПЦ и ни одного из возможных соответствий английскому ПЦ *purple*.

Высказывалось предположение, что дети усваивают базовые ПЦ в том же порядке, в каком они приобретаются в языках мира в соответствии с гипотезой Б. Берлина и П. Кея [Miller, McLaird 1976: 354-355]. К сходным выводам приходит и М. Д. Воейкова: «раньше всего усваиваются и соотносятся с реальным цветом объектов те наименования, которые обладают наибольшей уни-

⁸ Для сравнения приведу список наиболее употребительных ПЦ в частотном словаре Э. Штейнфельдт: *белый*, *красный*, *черный*, *зеленый*, *серый*, *голубой*, *синий*, *желтый*, *рыжий*, *розовый*, *коричневый* [Штейнфельдт 1969]. Наиболее заметное его отличие от данных словаря О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова – второе место ПЦ *красный*, что явно вызвано символическим значением красного цвета в советский период; ПЦ *желтый* занимает в нем еще более низкое положение, а ПЦ *серый* и *рыжий* столь же высокочастотны.

⁹ Давно замечено, что ПЦ, относящиеся к зоне серого цвета, не занимают фиксированного положения среди базовых ПЦ, выступая в качестве своего рода «wild card» – карты, которая в игре может выполнять роль любой другой карты [Kay, McDaniel: 1978: 638-640].

версальностью – *красный, черный и белый*» [Воейкова 2011: 115]. Между тем, опубликованные записи ранней детской речи, как кажется, не дают оснований для столь определенных выводов.

Прежде всего бросается в глаза относительно малая употребительность ПЦ *белый* и *черный*. Лиза Е. в возрасте 1.10 использовала три ПЦ: *красный, зеленый и желтый* [Елисеева 2008: 93]; Ася П., начавшая различать цвета до 2.2, раньше всего усвоила ПЦ *красный*: «Начинает различать цвета. Быстрее других усвоила прилагательное *красный*. Путает *желтый* и *белый* цвет» [Цейтлин, Елисеева 1998: 37]. В записях речи русского ребенка в возрасте 2.1, описанных в [Казаковская, Балчюниене, Камандулите-Мерфелдиене 2013: 134], зафиксированы следующие ПЦ: *красный* (100), *зеленый* (71), *синий* (53), *белый* (44), а также *серый* и *желтый* (без количественных данных). Встречаются и менее обычные наборы первых ПЦ. В записях речи Оли М., относящихся к периоду от 2.1.15 до 2.4.13, самым частым оказалось ПЦ *желтый*, которое она использовала правильно и по отношению к разным предметам [Цейтлин, Елисеева 1998: 109–121]. Интересно, что и, по крайней мере, некоторые взрослые, говоря с ребенком, не используют ПЦ *белый* и *черный*. Так, в речи матери Филиппа С. (возраст ребенка 1.7) зафиксировано четыре ПЦ: *желтый, зеленый, красный и синий*; эти же четыре ПЦ первыми (в возрасте от 1.8 до 2.2) появляются и в речи самого Филиппа [Воейкова 2011: 244, 222]. Даже в гораздо более поздний период, в ранних письменных текстах Гриши К., встретилось только одно ПЦ – слово *красный* [Князев 2004: 48]. В психолингвистическом эксперименте, в котором участвовали московские студенты, первым ПЦ, пришедшим в голову, чаще всего было слово *красный* [Morgan, Corbett 1989: 127]¹⁰.

Считается, что дети способны воспринимать цвета объекта с полутора лет. Вместе с тем ПЦ усваиваются позже и с большим трудом, чем параметрические прилагательные или прилагательные, выражающие оценку; для англоязычных детей рубежом,

¹⁰ Интересен и список первых десяти ПЦ, которые чаще всего называли испытуемые в течение первой минуты этого эксперимента: *голубой, зеленый, красный, синий, черный, желтый, фиолетовый, оранжевый, белый, коричневый* [Morgan, Corbett 1989: 127]

начиная с которого ПЦ начинают употребляться правильно, считается четырехлетний возраст [Bornstein 1985; Pitchford, Mullen 2006: 141]. Как пишет М. Д. Войкова, «если первые параметрические и оценочные прилагательные употребляются детьми более или менее сознательно, то употребление цветовых по-прежнему представляет собой не до конца осознанный имитативный процесс» [Войкова 2011: 212]. Так, Женя Г. в возрасте 1.10.24 еще, видимо, вообще не воспринимал значения ПЦ: «Вчера я его пытался познакомить с цветами. Делал это на разноцветных яйцах, которые подарила Мария Николаевна. Указывал ему много раз: красное яичко, желтое, зеленое. Он повторял за мной названия цветов, но, сколько я ни просил дать мне красное яичко, желтое и т. д., он ни разу не дал и не указал требуемое» [Гвоздев 2005: 31]. Однако уже примерно через год (в 2.11.5) результаты сходного эксперимента оказались вполне приемлемыми: «Сейчас испытывал, как он различает цвета, на принесенных разноцветных листках бумаги. Он без запинки назвал: **краснь** (красный), указывая на карминно-малиновую полоску; **зилёнінь** – на светло-зеленую; **жолтінь** – светло-желтую. Яркую оранжевую назвал: **тόжъ красьнінь** (тоже красненькая), а о розовой того же карминного оттенка сказал: **Такайъ жъ** – Такая же» [Там же: 147]. При этом можно заметить, что Женя Г. обходится в это время всего тремя ПЦ.

Нехваткой запаса усвоенных ПЦ можно объяснить и встретившееся у Оли М. (2.3.29) сочетание *желтые волосы*: «*У меня волосы жёлтые* – говорит Оля, рассматривая в зеркале свои ярко-рыжие волосы» [Цейтлин, Елисеева 1998: 119]. Любопытно, что, хотя в современном русском языке ПЦ *желтый* неприменимо к волосам, «в древнерусском языке XI-XII вв. основным контекстом употреблений *желтый* была именно характеристика цвета волос. Такие контексты *желтый* сохранялись еще в XVII в.» ([Рахилина 2000: 186] со ссылкой на [Бахилина 1975]).

По-видимому, ребенок начинает усваивать ПЦ в составе составных наименований типа *белый гриб* (Лиза Е., 1.9.3), *черный хлеб* (Женя Г., 2.4.11), *Красная шапочка* (Оля М. 2.1.15). Такие наименования дети могут создавать и сами. Женя Г. называл *черными* шоколадные конфеты (2.7.16), компенсируя этим отсутствие у него в данный период слова *коричневый* [Гвоздев

2005: 110], а Аня С. в возрасте 2.3.2 называла *черной водой* компот или воду с вареньем, в противоположность чистой воде для питья, которую она называла просто *водой* [Цейтлин, Елисеева 1998: 21]. Аналогом таких устойчивых наименований можно считать и наблюдающееся у некоторых детей использование ПЦ только для характеристики одного конкретного предмета. Так, Аня С. (2.01.20) называла *синенькими* свои трусики с синими горошками, не различая синий цвет в других случаях [Там же: 12]. Их перенос на произвольный объект может быть сопряжен с большими трудностями. Неоднократно отмечалось, что первые ПЦ могут употребляться детьми наугад, независимо от реальной окраски предмета; ср. следующие характеристики ПЦ в речи Лизы Е.: «значение неустойчиво», «значение неправильное» [Елисеева 2008: 153, 156, 161]. Лиза Е. в 2.0.24 могла назвать свой розовый игрушечный чайничек и зеленым, и желтым, а Женя Г. колебался, назвать ли свои черные чулочки *беленькими*, *красными* или *желтыми* (2.0.30, 2.4.11). Кроме того, у многих детей на раннем этапе существует любимое «основное» ПЦ, предпочтительное всем остальным ПЦ; таким ПЦ может быть и *красный*, и *синий*, и *зеленый* [Цейтлин 2000: 126; Войкова 2011: 235-236]. Можно предположить, что в подобных случаях ПЦ фактически выражает какое-то иное, скорее всего, оценочное значение.

ПЦ занимают противоречивое положение среди признаковых слов. С одной стороны, Л. Л. Буланин включает их в группу качественных прилагательных, называющих признак «как абсолютный, не зависящий от его оценки говорящим» [Буланин 1976: 72]. С другой стороны, количество ПЦ, особенно в детской речи, во много раз меньше числа оттенков цвета, различаемых человеком. Так, красному цвету соответствует не точка, а множество оттенков, переходящих, с одной стороны, в оттенки желтого и оранжевого цвета, а с другой стороны, – в оттенки фиолетового и синего. Как показывают психолингвистические эксперименты, значения ПЦ характеризуются большей или меньшей размытостью и частично пересекаются, но в то же время можно выделить цветовые области, которые чаще других обозначаются теми или иными ПЦ [Фрумкина 1984: 120-125]. О том же пишет и А. В. Михеев: «При обработке полученных дан-

ных было обнаружено, что для большинства цветообозначений число указаний на “лучший” образец составляет 15-20. Это означает, что одному цветообозначению нельзя сопоставить один образец, который являлся бы его лучшим представителем» [Михеев 1983: 16]. Видимо, не случайно, что рано усваиваемые ПЦ *красный, желтый, зеленый, синий* относятся в то же время и к наиболее «сфокусированным», хотя обратного соответствия нет: хорошо «сфокусированное» ПЦ *малиновый* отсутствует среди первых ПЦ в речи детей.

Проблемы с усвоением ПЦ могут быть связаны и с тем, что для объектов с фиксированным цветом этот признак не является различительным: он релевантен прежде всего в тех случаях, «когда объекты сосуществуют в большом количестве экземпляров и цвет их различает» [Рахилина 2000: 172]. Именно в таких случаях можно с полным основанием говорить об осознанном употреблении ребенком ПЦ;ср.: Аня С. (2.8.16): «Держит в руках ободок для волос. Она все время забывает, как он называется. У нее ободок белый. Говорит: *Купищи мне такой челны? Такое, какой я должна в руках*»; Дима С. (2.8.1): «Попросил почитать “Краденое солнце”. На первой странице увидел крокодила и спросил: *А патиму клякадиль тёльный (черный)?*. Я: “А какой должен быть крокодил?”. Отвечает: *Зилёний*. На картинке крокодил, действительно, был черный»; Оля М. (2.3.13): «Олина куртка висит на вешалке рядом с Никитиной. Оля сравнивает цвета: *У Киточки жёлтая куйточка, а у меня олубая куйточка* – голубая курточка» [Цейтлин, Елисеева 1998: 33, 80, 117]. Впрочем, такие примеры в записях ранней детской речи немногочисленны.

В просмотренных записях, ограниченных возрастом до трех лет, встретились – хотя бы у одного ребенка и независимо от выполняемой функции – следующие ПЦ (в алфавитном порядке): *белый, голубой, желтый, зеленый, красный, розовый, серый, синий, черный*. Интересно, что эти же ПЦ являются наиболее частотными ПЦ в словаре О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова. Эти данные можно сопоставить с результатами проведенных Н. Питчфорд и К. Муллен наблюдений над речью англоязычных детей из Британии и Канады, учитывающих только нормативные употребления ПЦ. В их речи первыми в промежутке от 30

до 40 месяцев появились (в разном порядке) ПЦ *yellow* ‘желтый’, *blue* ‘синий, голубой’, *black* ‘черный’, *green* ‘зеленый’, *white* ‘белый’, *pink* ‘розовый’, *orange* ‘оранжевый’, *red* ‘красный’ и *purple* ‘пурпурный, багровый, лиловый, фиолетовый’. Затем, еще через шесть-восемь месяцев возникают ПЦ *brown* ‘коричневый’ и *grey* ‘серый’ [Pitchford, Mullen 2006: 149-150]. Задержку с усвоением последних двух ПЦ авторы объясняют тем, что эти ПЦ реже всего встречаются в книгах для детей и в речи матерей, обращенной к детям [Там же: 152]. Возможно, этими же факторами объясняется отсутствие ПЦ *коричневый* среди первых ПЦ у русских детей.

Таким образом, первые ПЦ и у русских, и у англоязычных детей входят в число базовых ПЦ Б. Берлина и П. Кея, но в то же время последовательность их усвоения в обоих случаях не полностью совпадает с иерархией базовых ПЦ.

ЛИТЕРАТУРА

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975.

Булланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1978.

Войковая М.Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. – М.: Знак, 2011.

Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. Изд. 2-е, испр. – М.: КомКнига, 2005.

Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.

Казаковская В. В., Балчюниене И., Камандулите-Мерфелдинене Л. Цветовые прилагательные в речевом онтогенезе // Круглякова Т. А. Проблемы онтолингвистики – 2013. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – С. 132-137.

Князев Ю.П. Ранняя детская письменная речь: лексика и грамматика // Человек пишущий и читающий. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 47-56.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009.

Михеев А.В. Психолингвистическое исследование семантических отношений (на материале слов-цветообозначений). Авто-

реф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000.

Рахилина Е.В. О семантике прилагательных цвета // Васильевич А. П. (ред.). Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. – М.: КомКнига, 2007. – С. 29-39.

Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. – М.: Наука, 1984.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. – М.: Владос, 2000.

Цейтлин С.Н., Елисеева М.Б. От двух до трех. Дневниковые записи. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.

Штейнфельд Э. Частотный словарь современного русского литературного языка. – М.: Прогресс, 1969.

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. – Berkeley: University of California Press, 1969.

Bornstein M. On the development of color naming in young children // Brain and language. Vol. 26. 1985. P. 72-93.

Corbett G., Morgan G. Color terms in Russian: reflections of typological constraints in a single language // Journal of linguistics. Vol. 24, 1988. P. 31-64.

Corbett G., Davies I. Establishing basic color terms: measures and techniques // Hardin C., Maffi L. (eds.). Color categories in thought and language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 197-223.

Kay P., McDaniel C. The linguistic significance of the meanings of basic color terms // Language. Vol. 54 (3), 1978. P. 610-646.

McLaury R. Social and cognitive motivations of change: measuring of variability color semantics // Language. Vol. 67 (1), 1991. P. 34-62.

Miller G., McLaird P. Language and perception. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976.

Morgan G., Corbett G. Russian color term salience // Russian linguistics. Vol. 13 (2). 1989. P. 125-141.

Pitchford N., Mullen K. The developmental acquisition of basic colour terms // Biggam C., Pitchford N. (eds.). Progress in colour studies. Vol. II. Psychological studies. Amsterdam; Philadelphia: John Bejamins, 2006. P. 139-158.

©Князев Ю.П., 2015